

2. Ганецкая І. У. Беларужая культура XI-XIII стст. у агульнаеўрапейскім кантэксце // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе XX стагоддзя. - Мінск, 1993. - С. 367-369.
3. Гурын М. Ф., Бекцінеў Ш. І. Гандлёвыя сувязі Полацкай зямлі // Гістарычна-археалагічны зборнік. - 1998. - № 12. - С. 68-72.
4. Заяц Ю. А. Кафля і кафляныя печы // Археалогія Беларусі. Помнікі XIV-XVIII стст. - Мінск, 2001. - Т. 4. - С. 319-344.
5. Кушнярэвіч А. Да праблемы ўплываў нямецкай готыкі на архітэктурную Беларусь і Літвы // У зб.: *Castrum, urbis et bellum*. - Баранавічы, 2002. - С. 253-262.
6. Либман М. Искусство Германии XV и XVI веков. - М., 1964.
7. Либман М. А. Нямецкая скульптура 1350 - 1550 гг. - М., 1980.
8. Макараў М. Да пытання пра выкарыстанне тэрміну "данжон" (donjon) у беларускай гістарычнай навуцы // Гістарычны альманах. - Гародня, 2001. - С. 59-67.
9. Несельштраус Ц. Г. Искусство Западной Европы в средние века. - М., 1964.
10. Сагановіч Г. Сярэднявечная Беларусь і немцы: сустрэча культур // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця / Матэрыялы II Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў. - Мінск, 1999. - С. 46-48.
11. Abraham W. Powstanie i organizacja kościoła Łacynskiego na Rusi. - Lwów, 1904.
12. Adamonis T. Lietuvos gotikos skulptūra // Dailėtura. - Vilnius, 1987. - № 2. - P. 81-94.
13. Goethe W. Von Deutsch'er Baukunst. - Frankfurt, 1772.
14. Kugler F. Handbuch der Kunstwissenschaft. - Stuttgart. 1842.
15. Pischel G. Histoire mondiale de l'art: peinture, sculpture, architecture, arts décoratifs. - Milan, 1976.
16. Schlegel F. Grundzüge der gotischen Baukunst. - Stuttgart, 1842.

Пичуков В. П. (г. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины)

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ БЕЛАРУСИ В 20-30-е ГОДЫ XX В.: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. из 7 075 немцев, проживавших в БССР (всего в СССР насчитывалось 1 238 549 человек немецкой национальности), около 4-х тысяч приходилось на территорию Восточного Полесья. При этом в Мозырском регионе проживало 3 356 немцев – 46,6 % всего немецкого населения БССР и абсолютное большинство сельских немцев – крестьян-колонистов республики [1].

Совокупность отдельных публикаций в республиканских газетах 20-х гг. позволяет составить общее представление о характере жизни местных немцев в общем контексте проводимых социокультурных преобразований. Так, в газете "Звезда" от 26 июля 1923 г. была напечатана статья "Немецкая колония (Каролинская вол., Мозырск. у.)". Её лейтмотив – "если в хозяйственном отношении немцы стоят выше окружающего населения, то в политическом – они намного отстали". Автор констатирует, что в силу обособленности местных немцев от остального населения, слабого знания ими русского языка, "не совсем еще изжитого национального антагонизма" немцы "не приобщены к культурной и политической работе", "в школе колонии [Анзельмовки. – В. П.] нет учителя, знакомого с немецким языком и преподавание ведется исключительно на русском языке. Вследствие этого, немцы неохотно посылают своих детей в школу, а предпочитают посылать их учиться "при кирхе", где их обучают только молитвам".

Примерно в это же время печатный орган Народного комиссариата просвещения БССР журнал "Асьвета" [1925. № 3] в рубрике "Праца сярод нацыянальных меншасцяў" информировал, что в Мозырском округе имеется единственная школа, где обучение ведется на немецком языке – "у нямецкай колёніі Алескае, дзе некалькі год таму ўзд некалькі нямецкіх сямействаў купілі зямлю ў памешчыка і пасяліліся там".

Ряд интересующих нас материалов был напечатан в окружной газете (г. Мозырь) "Савецкая вёска" [2]. В основном они были аграрной тематики и описывали поступательный ход кооперации немецкого населения в сфере переработки молока – производстве масла, сыра. О высокой и стабильной экономической конъюнктуре немецких хозяйств, специализировавшихся на животноводстве молочного направления, свидетельствует информация о деятельности молочных артелей (в Берёзовском немецком сельсовете, в Анзельмовке), работе курсов по подготовке мастеров-маслоделов и сыроваров (при Анзельмовской молочной артели), о животноводческих выставках с экспонированием элитных пород коров – красной и черной "немецкой" и т.п. В газете приводятся сведения и о национально-культурной работе среди немецкого населения: выписке газет на немецком языке, деятельности национальных немецких сельсоветов и т. д. [2; 1926. 25 июля, 16 сентября; 1927. 31 января, 9 февраля, 16 апреля, 16 июня].

В унисон с описанием высокого уровня хозяйствования немецких крестьян в местной газете звучали и материалы центральной "Беларуской вёскі". "Чыстата, ахайнасць, суровая дысцыпліна і самае шырокае ўжываньне машын" – впечатление от знакомства с сельским хозяйством в Германии [1927. 15 верасня]. "Нам трэба навучыцца ў немцаў шанаваць асьвету, ...культуру", – общий вывод описания жизни немецких крестьян-колонистов в Крыму [1926. 10 жніўня]. Общая тональность этих материалов проецировалась и на немцев Мозырщины, которые также представлялись примером для остального населения.

С 1926 г. в Москве издавалась газета "Deutsche Zentral Zeitung" ("Немецкая центральная газета") – орган Центрального бюро немецких секций ВКП(б). До конца 20-х гг. газета была крестьянской по характеру и предназначалась для немецких колонистов Поволжья, Крыма, Северного Кавказа [3]. В начале издания газеты её редакция изучала общую картину немецкого населения в СССР. В ответе Наркомпроса БССР в октябре 1926 г. на соответствующий запрос газеты отмечается, что в пределах БССР насчитывается 857 немецких хозяйств общей численностью около 6 тыс. человек. Подчеркивается, что основное количество немецкого населения (665 хозяйств) проживало в Мозырском округе, где имелись немецкие нацсельсоветы и 2 немецкие школы 4-х летки – по одной в Каролинском и Наровлянском районах [4; л. 1-2].

С конца 20-х гг. меняется характер освещения немецкой тематики в периодике. Стойкое противостояние немецкого населения БССР насильственной и сплошной коллективизации, гонениям на религию являлось предметом постоянной озабоченности властей. В постановлении ЦИК БССР от 5 декабря 1930 г. "По докладу о коллективизации бедняцко-средняцких хозяйств национальных меньшинств БССР" предлагалось обратить особое внимание на немецкие поселения [Савецкая Беларусь. 1930. 10 снежня]. "Калгаснае будаўніцтва ў нямецкіх сельсаветах сустрэла жорсткае супраціўленьне з боку кулацтва, рэлігійных элементаў. Рад савецкіх і грамадзкіх арганізацый недастаткова ўдзялілі ўвагі нямецкаму насельніцтву", – констатировало руководство БССР в 1931 г. И как результат – "У сельсавеце "Розы Люксембур" школа два гады зачынена, з немцаў вучыцца толькі 3 чалавека дзяцей. У Хаткаўскім сельсавеце, дзе 99 нямецкіх гаспадарак, школа зачынена і няма

настаўніка. У Бярозаўскім сельсавеце хата-чытальня зачынена, школа ў дрэнным становішчы, адзін настаўнік – былы царкоўны служка, а другі невядома, хто такі, – не высвятлілі яго твару, але не наш, – гэта значыць, не адданы цалкам савецкай уладзе. Школы напалову раскіданы, работа з беднатай не вядзецца. Ёсць праявы нямецкага шавінізму. Беларусі называюць “серыя”, “лапатнікі”, “мужыкі” і інш. Немцы лічаць сябе многа вышэй за беларусаў, ніякай сувязі з беларусамі ня маюць, замкнутасць на нацыянальнай і рэлігійнай глебе і г. д. Вось вынікі той дрэннай работы якая вялася нашымі мясцовымі арганізацыямі сярод гэтай нацменьшасці” [Савецкая Беларусь. 1931. 23 жніўня].

О пассивности властей Каролинского района в работе с немецким населением, о “кулачком засилье” отмечала выездная бригада газеты “Беларуская вёска” в номере от 20 января 1931 г. (статья “Нацыянальна-апартуністычная сьлепата раённых адказных працаўнікоў”). В статье приводится несколько “ганебных фактаў абароны” і “мірнага ўрастаньня кулака ў сацыялізм”. “Кулак Штрайх – з вёскі Анзельманаўкі, Розы-Люксэмбургскага нацыянальнага нямецкага сельсавету, жыве фактычна ўвесь час з сынам, а юрыдычна на паперы падзяліўся. Кулак Штрайх мае 20 га зямлі (раней меў 40 га зямлі), сэпаратар, 6 дойных кароў, вырабляе масла і збывае на прыватны рынак. Індывідуальным падаткам не абкладзены. <...> Кулак Лангаз Эдуард, раней меў 40 га зямлі, зараз падзяліў яе паміж дзецьмі, – мае 4 каровы, 2 коняі. Індывідуальным падаткам не абкладзены. Кулак Лангаз лічыцца ў сельсавеце калдуном – лекарам, лечыць ня толькі сялян з гэтага сельсавету, але выяжджае і ў другія раёны”. Газета “Беларуская вёска” обвинила местное руководство в том, что “раённыя арганізацыі бяруць пад сваё “крылышка” абароны кулакаў Штрайхаў, Лангазаў”. При этом было отмечено фактическое признание местного руководства (председателя Каролинского РИК и секретаря РКП(б)Б) в своем бессилии проводить советскую работу среди немецкого населения: “Мы ня маем магчымасці наладзіць там працу. Мы нават ня маем тры гады ў гэтым сельсавеце настаўніка. Няма як і праз каго расплачаць працу”. В этих словах – констатация факта и недостачи необходимых кадровых работников в немецкой среде (в том числе со знанием немецкого языка), и стойкого неприятия местными немцами официального насилия.

Аналогичная картина сложного процесса советизации полесских немцев отмечалась этой же газетой (она сменила название на “Калгасьнік Беларусі”) и в следующем 1932 г. (номер газеты от 22 ноября): “У Ельскім раёне не зварачваецца ўвага на абслугоўваньне нямецкіх школ, амаль не разгорнута масавая культурна-выхаваўчая работа сярод працоўных немцаў”.

В качестве примера сдвига в приобщении немцев (и что особенно важно для власти – женщин) к новому социуму газета “Савецкая Беларусь” приводила 16 января 1931 г. следующий факт: “Калі летась у Бярозаўскім нямецкім сельсавеце з 362 жанчын на сход [по перевыборам местного совета. – В. П.] з’явілася 9-10, дык у зтым годзе мы маем там жа 52 % жанчын на сходзе”.

Власть придавала большое политическое значение освещению в печати советской работы, проводимой среди населения нацменьшинств, по возможности, на национальных языках. В 1930 г. секретариат ЦК КП(б)Б принял решение об издании однодневной газеты “За калектывізацыю” на латышском и немецком языках [5; л. 3]. К сожалению, у нас нет сведений о реализации этого решения. В 1931 г. секретариат постановил организовать в районной и низовой печати постоянные страницы на языках населения нац-

меньшинств – польском, еврейском, латышском, литовском. В Наровлянской районной газете “За калектывізацыю” предписывалось создать страницу на немецком языке “для обслуживания немецких сельсоветов Наровлянского и Каролинского районов” [6; л. 196].

В конечном итоге, состоявшаяся так называемая “немецкая страница” [10] представляла собой отдельные статьи и заметки на немецком языке. За время существования немецкой страницы (1934–1936 гг.) в газете “За калектывізацыю” их было напечатано несколько десятков, как правило, одна-две в отдельных газетных номерах. О характере этих материалов свидетельствуют их названия. Приведем некоторые из них в выправленном виде в соответствии с современными орфографическими нормами немецкого языка: “Das kollektivwirtschaftliche Pferd muss von allgemeiner Achtsamkeit umgeben sein” (“Колхозная лошадь должна быть окружена всеобщим вниманием”), “Das Erfolgfestigen” (“Закрепление успехов”), “Das neue Schülerkomitee führt im Kampf um gute Lernresultate” (“Новый ученический комитет лидирует в борьбе за хорошие результаты в учёбе”), “Die Wehrpflichtigen aus Berjosowka gehen zur Rotenarmee” (“Военнообязанные из Берёзовки идут в Красную Армию”), “Wie begegnet der Dorfrat zu Berozowka seinen proletarischen Feiertag” (“Как встречает сельсовет Березовки свой пролетарский праздник”), “Besser arbeiten als gestern” (“Лучше работать, чем вчера”), “Genosse Wittmeier sabotiert die politische Schulung der Kollektivisten” (“Товарищ Виттмайер саботирует политобразование колхозников”) [7; 1935. 1 мая, 7 листопада, 24 снежня; 1936. 15 лютага, 4 сакавіка, 30 верасня].

Среди прочего интересен фактический материал о немецких национальных колхозах: “Карл Либкнехт”, “Роза Люксембург”, “Красный колонист”, “Эрнст Тельман”, немецких школах в Берёзовке, в колонии [деревне. – В. П.] Хатки.

В меньшей степени “немецкая страница” освещала иную проблематику. Так, в заметке “Ein interessanter Fund” (“Интересная находка”) говорится о находке школьником топора каменного века, что свидетельствовало о проживании человека на этой территории с древних времен и должно было стимулировать познавательную деятельность учащихся [6; 1935. 28 листопада].

В целом, отмеченные материалы должны были являться действенным воспитательным средством “втягивания” немецкого населения в процесс социалистического переустройства деревни, реализации сталинского лозунга “Wir müssen alle Kollektivwirtschaften bolschewistisch und die Kollektivisten wohlhabend machen” (“Мы должны сделать колхозы большевистскими, а колхозников – зажиточными”).

При более гармоничных отношениях немецкого населения и власти “немецкая страница” в районной белорусско-язычной газете могла выглядеть как конкретное средство сохранить равновесие языков и закрепить одну из сфер использования языка (массовая коммуникация) за родным языком. Для носителей немецкого языка она могла в определенном смысле служить защитой этнического суверенитета языка. Однако двусторонняя связь между газетой и её немецким читателем (и возможным автором) не состоялась. Немцы не стремились писать в газету. Основное количество изученных нами немецкоязычных газетных материалов было написано Райнгольдом Циммерманном (R. Zimmermann) – немцем, политэмигрантом из Германии, директором Берёзовской немецкой школы, прибывшим из Минска, и Яковом Шлегелем (J. Schlegel) – немцем, учителем немецкой школы в Хатках, мобилизованным для работы среди местного немецкого населения из Республики немцев Поволжья. Ряд заметок был написан заведующим хатой-читальней в Берёзовке Шляфером – евреем по национальности, с переводом на немецкий язык Циммерманна. Власть, фактически потерпев фиаско в стремлении использовать агитационно-пропагандистские возможности “немецкой страницы”, в 1936 г. её ликвидировала.

Наряду с материалами немецкой страницы информация о местных немцах печаталась в газете "За калектывізацыю" в контексте хроникально-репортажного освещения жизни всего населения Наровлянского района. В основном освещались успехи и трудности колхозного строительства в Березовском сельсовете (председатель – Шиллер, члены сельсовета – Гафке, Шульц Л., Юзман Д., Тыздэ Г. и др.). К вышеназванным колхозам добавим "Новая Антоновка", "Новый Майдан", которые в 1938 г. были переименованы соответственно в "им. К. Маркса" и "им. Ф. Энгельса", колхоз "Красная Красиловка". Председатели колхозов – Мильке Эрнст, Ас-тартак, Циглярский, Блох, Кроль Юлиус, зав. МТФ – Шульц, бригадиры – Вольф Август, Зай-ферт, кладовщик – Мартин Август, колхозные кузнецы – Домке, Ябс, работник мельницы – Крон Эвальд. Акцентировалось внимание на участии населения в различных общественно-политических кампаниях (делегат VII районного Съезда Советов от Березовского сельсовета Гертер Павел), обеспечении поставок сельскохозяйственной продукции государству. При этом приводились случаи "кулацкой практики", "кулацкого саботажа" (Шат Адольф – "кулацкий агент", Расоль Рудольф, Витлер Эдуард – "под влиянием кулаков", Шмидт Герман, Лемке Фридрих – не выполнили плана сева, отданы под суд, Ванер Адзля – "спекулянтка", Мильке Ида, Лемке Эрн – "лодыри") и одновременно – имена колхозников-ударников (Витмайер, Шамуль, Шульц Фридрих).

Значительное внимание газета уделяла культурному строительству в немецкой деревне – школам (учителя – Циммерман, Гердт, Меер, Файненштилль, Бауэр, Лир, Ильяс), культмассовой работе (руководитель драмкружка – Миллер Эмма, музыкального кружка – Крон). В совокупности представлялась довольно оптимистическая картина социалистической трансформации всего комплекса жизни немцев-крестьян.

Однако в действительности все обстояло не так благополучно. На страницах газеты не отражалось государственное насилие над немецким населением в рамках "антикулацкой" кампании, гонений на руководство местных лютеранско-евангелических общин, умалчивалось о массовых политических репрессиях в отношении немецкого населения. Как исключение из практики умалчивания нужно отметить ряд публикаций в связи с репрессиями власти в отношении инициаторов получения в условиях голода 1932-34 гг. материальной помощи от германских диппредставительств в Москве и Киеве [8]. Общественное мнение направлялось в русло осуждения данного явления, "вскрывался" его "антисоветский, профашистский" характер (заметки и статьи: "Мы пратэстуем супроць наглай фашысцкай правакацыі", "Ніякай літасці класавым ворагам" и т. п.). Активисты кампании обращения за помощью назывались "активными агентами фашизма", которых "граждане Березовского немецкого сельсовета" просили, обращаясь к власти, жестоко покарать [7; 1934. 22 ліпеня; 21, 22, 23 снежня; 1935. 5 студзеня].

В целом газеты не являлись эффективным средством налаживания диалога власти с немецким населением. Неумение взрослых немцев читать по-русски и по-белорусски, эволюция их отношения к советской власти от индифферентного к неприязненному обусловили игнорирование ими периодики. "Русских газет почти никто не читает, то же и с белорусскими", – отмечал инструктор Нацкомиссии ЦИК БССР, обследовавший немецкие сельсоветы в 1931 г. Количество выписываемых газет было незначительным, например, в 1931 г. на более чем 300 немецких хозяйств Наровлянского района – 20 экземпляров. В 1931 г. в Роза-Люксембургском сельсовете выписывалось 7 экземпляров газет, до этого – 20. К тому же в подвале преобладали немецкоязычные газеты. В 1930 г. в Роза-Люксембургском сельсовете выписывалось 12 экземпляров "Немецкой центральной газеты" и 6 – "Харьковской немецкой газеты" [11]. Однако понятные в языковом отношении и эти официальные газеты не принимались немецким населением. "В газеты не пишем, т. к. правду не пропускают, не читаем газет, т. к. они всегда врут" – коллективное мнение немецких крестьян с. Антоновка Березовского сельсовета (1932 г.) [12; л. 252].

В целом характер немецкого материала в периодике БССР 1920-30-х гг. отражает эволюцию общественно-политической жизни в республике -- от либерализма 20-х гг. к усилению тоталитарных тенденций в 30-е гг. Фактографический аспект этого типа первоисточников важен в этнологическом смысле, также в возможности изучения эмоциональной составляющей публицистики.

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. X. БССР. Отдел 1. - М., 1928. С. 8-9, 11-12, 220-221; Национальная политика ВКП(б) в цифрах. - М., 1930. С. 36; Пичуков В. П. Статистика немецкого населения Восточного Полесья в 1920-е гг. // Традиції матеріальної і духовної культури Усходняга Полесья. Мат. міжнар. навук. канф. (Гомель, 20-21 мая 2004 г.). У 2-х ч. Ч. I. - Гомель, 2004. С. 116-119.
2. «Савецкая вёска» (Орган Мозырского окружного комитета КП(б)Б). Выходила с 1925 г. по 1928 г.
3. Смирнова Т. М. Немецкая печать в Санкт-Петербурге // Немцы в России. Петербургские немцы. - СПб., 1999. С. 429.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее -- НАРБ). Ф. 42. Оп. 1. Д. 336.
5. НАРБ Ф. 4. Оп. 4. Д. 20.
6. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 3609. Оп. 2а. Д. 11.
7. «За калектывізацыю» (Орган Наровлянского РК КП(б)Б и Наровлянского РИКа). Выходила с 1932 г. С 27 июля 1938 г. газета называлась «За большэвіцкія перамогі».
8. Об этом см: Пичуков В. П. К вопросу о политических репрессиях в БССР в 1930-е гг. в связи с немецкой благотворительной помощью // Германский и славянский миры: взаимодействие, конфликты, диалог культур. Витебск, 2001. С. 103-105.
9. Государственный зональный архив в г. Мозыре.
10. Пичуков В. П., Каховская Л. Ф. «Немецкая страница» в Наровлянской газете «За калектывізацыю» 1930-х гг.: историко-лингвистический аспект // Славянскі свет: мінулае і сучаснае. Матэр. рэспуб. навук. канф. 26 сакавіка 2004 г. Ч. 2. - Мн., 2004. С. 93-98.
11. НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 109. Л. 12; Д. 102. Л. 20; 8, Ф. 60. Оп.1. Д. 723. Л. 15.
12. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. Ф. 4286. Оп. 1а. Д. 234.

Букина Т. В. (г. Минск, ИИЗФ им. К. Крапивы НАН Б)

АНТИСЕМИТСКАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА КАК ЧАСТЬ НАЦИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1941-1944 гг.

Интерес к документам, освещающим события второй мировой войны, сегодня повсеместен и огромен. В силу демократических преобразований в нашей стране в последнее время появилась возможность обратиться к документам, ранее не доступным исследователям, которые дают возможность апеллировать к фактам, явлениям, долгое время причисляемым к разряду «неудобных». Именно к таким документам истории можно отнести иллюстрированные пропагандистские материалы, распространяемые на территории Беларуси оккупационными властями в 1941-1944 гг., позволяющие наглядно представить трагические события тех лет.

В настоящий момент в искусствоведении республики отсутствуют исследования по изобразительной пропаганде оккупационных властей на территории Беларуси в названный период вообще, а уж тем более по антисемитской направленности, в частности. А между тем, назрела необходимость избавиться от пресловутых «белых» пятен в нашей истории, продиктованная как духом времени, так и памятью погибших в те страшные годы людей. Автор статьи впервые в истории отечественного искусствоведения делает попытку